

**ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И
ЕВРОПЕЙСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ**

УДК 323(430.1/.2)

ББК 66.3(4г)

С84

Рецензент: доцент Левкович А.И.,
кандидат философских наук;

Ответственный редактор: доцент Корнев П.И.,
кандидат исторических наук.

СТРЕЛЕЦ М.В.

С 84 ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ-
Брест: Издательство С.Лаврова, 1997. — 32 с.

ISBN 984-6277-12-7

При ретроспективном взгляде на историю недавнего прошлого учёные и политики дискутируют по следующему вопросу: "Отвечало ли объединение Германии интересам европейской безопасности?" Автор настоящей научной брошюры пытается внести свою лепту в данную дискуссию. При этом он вводит в научный оборот ряд новых документов и материалов.

Издание рассчитано на историков, политологов, специалистов-международников.

ББК 66.3(4г)

ISBN 984-6277-12-7

©Стрелец М.В., 1997

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Предмет нашего исследования - объединение Германии и европейская безопасность. Сразу оговоримся, что не претендуем на истину в последней инстанции. Разумеется, автор расставляет далеко не все точки над "i", что связано с недоступностью многих архивов, имеющих непосредственное отношение к теме исследования. В этой связи неизбежна условность некоторых наших оценок и выводов.

Главная посылка, из которой исходит автор настоящей научной брошюры, такова: право народов на самоопределение есть краеугольный камень любой системы международной безопасности. Естественно, что государства, не уважающие данное право, не могут быть участниками этой системы.

Влиятельные в глобальном масштабе силы на протяжении без малого полвека отказывали немцам в реализации их права на самоопределение.

Эти силы хорошо известны.

А сейчас обратимся к складыванию предпосылок решения германского вопроса.

До сих пор в исторической литературе не решен вопрос об истоках кардинального поворота в политике Кремля по данному вопросу, в значительной мере предопределившего стремительные темпы процесса воссоединения Германии.

Прежде всего предлагаем вниманию читателей большой отрывок из интервью экс-шефа советского внешнеполитического ведомства Э.А.Шеварднадзе журналу "Шпигель", данного в 1992 году:

"-- Мы хотели бы задать вопрос: как Вы (Э.А.Шеварднадзе -- <М>М.С.<М>) пришли к мнению, что существованию немцев в двух государствах надо положить конец?"

-- Это было в 1986 году, через год после того, как Горбачев занял пост генерального секретаря ЦК КПСС. Тогда говорить об этом было просто невозможно. Против было все правительство и все партийное руководство. Горбачев поручил теоретически обдумать этот вопрос, который рано или поздно должен был встать перед нами.

-- Что же подвигло вас на такие невероятные размышления?

-- Я считал невозможным вечное пребывание страны в состоянии раскола.

Национальная проблематика больше волновала меня как грузина, чем остальных.

Я считал, что нельзя мириться с тем, что немецкий народ, в котором таится такой огромный потенциал, разорван на две части. Когда-нибудь

национальный вопрос должен был быть включен в повестку дня как острая проблема. В моем окружении никто об этом не думал.

-- Когда Горбачев присоединился к вашему мнению? Или дело обстояло наоборот?

-- Мы были одного мнения. Находясь в Восточном Берлине, он всегда убеждал товарищей: приступайте к реформам, которые приведут к объединению, иначе проиграете."¹

И все же данное утверждение Шеварднадзе не расставляет все точки над "i".

Анализ всех его выступлений до февраля 1990 года свидетельствует, что он находился в плену старых подходов по германскому вопросу.

Скорее всего это было характерно для всего советского руководства. Приведем два факта из воспоминаний В.М.Фалина.

Стоило ему в 1987 году сказать, что западноберлинские соглашения -- не последняя степень мудрости, что можно представить себе нечто лучшее, как Кремль сразу же отмежевался от Фалина.

Когда М.С.Горбачев писал свою книгу "Перестройка", ее рукопись была дана на прочтение и отзыв Медведеву, Шеварднадзе, Яковлеву, Фалину. Последний рекомендовал автору ограничиться словами, что история вынесет свое решение по германской проблеме, не вдаваясь в рассуждения, когда это случится. В тексте Горбачев заглядывал за горизонт ближайших 100 лет. По свидетельству Фалина, никаких замечаний по этому поводу у Шеварднадзе не возникло.²

По логике вещей, исходным пунктом для подхода М.С.Горбачева и его соратников к отношениям с ГДР должна была быть та информация о данной стране, которой они располагали.

Какова же была степень информированности советского руководства о положении в высшем эшелоне власти ГДР, его позиции по отношению к ФРГ, по другим серьезным вопросам? В Карлсхорсте постоянно действовало официальное представительство КГБ. Независимо от него с начала 80-х годов в советском посольстве в Восточном Берлине функционировала суперсекретная группа КГБ "Луч".³

Немецкие журналисты Ральф Георг Ройте и Андрес Бенте в книге "Заговор" утверждают, что М.С.Горбачев возложил на группу "Луч" задачу "способствовать изменениям в ГДР по советскому образцу, поддерживать силы, выступавшие за это", что "не прекращались попытки (Кремля -- <MI>М.С.<M>) управлять развитием событий в надежде, что к руководству страной придут решительные, верные Горбачеву люди"⁴ Однако те

источники, на которые автор мог опереться на момент выхода настоящей брошюры, свидетельствуют о том, что никакого заговора с целью дестабилизации режима Хонеккера руководство бывшего СССР не готовило.

Известно, что одна из главных причин длительного раскола Германии крылась в том, что СССР вплоть до 1985 года проводил политику, направленную на обесценивание государственного суверенитета ГДР.

Весной 1985 года началась горбачевская перестройка, означавшая возникновение нового этапа в советской политике в германском вопросе. СССР впервые фактически признал суверенитет ГДР. Он прекратил вмешательство во внутренние дела ГДР, перестроил свою военную доктрину в интересах безопасности Восточной Германии, полностью вывел с ее территории ОТР, уничтожил ракеты СС-20, занял действительно конструктивную позицию на переговорах о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе от Атлантики до Урала.

Вместе с тем вплоть до октябрьской революции 1989 года советское руководство проявляло непоследовательность в отношении ГДР. Оно, как и раньше, официально отрицало существование германского вопроса. Уступая давлению консервативных сил внутри страны, М.С.Горбачев и его команда не давали четкую и принципиальную оценку социализму в "цветах ГДР", активно пропагандируемому Э.Хонеккером и его единомышленниками. Это видение социализма было неосталинистским. В марте 1988 года орган ЦК СЕПГ газета "Нойес Дойчланд" без всяких редакционных комментариев полностью перепечатала статью Н.Андреевой "Не могу поступаться принципами", опубликованную в газете "Советская Россия" от 13 марта 1988 года. Эта статья явилась манифестом антиперестроечных сил в СССР. Учитывая, что вся пресса в ГДР находилась под исключительно жестким контролем СЕПГ, речь шла об официальной позиции руководства ГДР.

И ЦК КПСС, и правительство СССР оказались неспособными вовремя оценить сущность, остроту, размах антиавторитарного движения в ГДР.

С периодом горбачевской перестройки совпало резкое повышение результативности политики "малых шагов", проводимой правительством христианско-либеральной коалиции. Российская исследовательница Е.В.Цедилина справедливо отмечает: "Взяв курс на последовательное расширение гуманитарных контактов в обмен на оказание экономической поддержки правительству Хонеккера, оно заметно преуспело в деле усиления чувства взаимного тяготения к общей национальной принадлежности немцев по обе стороны внутригерманской границы, способствовало все большей ориентации восточных сограждан на

западную систему ценностей.

В этот период в ГДР вызревало оппозиционное движение, состоящее преимущественно из правозащитников и критиков существующего режима, "крышу" которым предоставила евангелическая церковь. Круг интересов оппозиции охватывал проблемы защиты прав человека, обеспечения мира, разоружения и охраны окружающей среды. При этом планировалось проведение соответствующих реформ, однако вопрос о существовании ГДР не поднимался. К середине 1989 года оппозиционные группы насчитывали в своих рядах всего 500 человек, но их настроения разделяли сотни тысяч".^{<5>}

К 1989 году возник невиданный разрыв между уровнями социально-экономического развития обоих германских государств,

Экономика тогдашней ГДР представляла собой предел возможностей системы государственно-монополистического социализма. С одной стороны, она имела самые лучшие из всех стран Восточной Европы показатели в социально-экономической области. Российский исследователь А.И.Савченко подчеркивает: "В типологическом отношении тот общественный строй, который господствовал в ГДР в течение последних 20 лет, в "эру Хонеккера", я бы назвал рафинированным вариантом сталинизма. И если бы самому Сталину удалось организовать нечто подобное, то он, наверное, с удовлетворением улегся бы в гроб".^{<6>} С другой стороны, никогда еще не было такого отставания Восточной Германии от Западной. Например, уровень производительности труда соотносился между экономиками обеих Германий как 1 к 3.

"В ГДР гораздо быстрее, чем в СССР, поняли (на уровне массового общественного сознания -- <МП>М.С.<М>), что такие "социальные блага", как господство общественной собственности, отсутствие безработицы, низкие цены практически являются замаскированной под добро формой зла".^{<7>} Отсюда вполне закономерным было нарастание массового бегства населения ГДР на Запад. С января по ноябрь 1989 года страну покинули 317 тысяч человек, притом большинство из них -- в возрасте до 40 лет.^{<8>}

Распад начался и в самой СЕПГ: в течение 1989 года из нее вышли 500 тысяч человек.^{<9>}

Граждане ГДР выразили свой вотум недоверия правящему режиму в ходе выборов в местные органы власти, проходивших в мае 1989 года. Руководство ГДР фальсифицировало итоги данных выборов. Упоминание об этом факте отсутствовало в выступлениях руководителей СССР.

На усиление антиавторитарного движения в ГДР заметное влияние

оказало отношение лидеров страны к расправе правительства Китайской Народной Республики над студентами в Пекине в 1989 году. Советский журналист А.Болотин свидетельствует: "...Правительство (ГДР -- <МП>М.С.<М>) недвусмысленно дало понять, что оно целиком и полностью одобряет действия китайских руководителей. Тогда народ понял, что его ждет. К великому счастью, удалось избежать кровопролития".^{<10>} В то время в руководстве СССР еще были сильны позиции тех, кто отдавал приказ стрелять в мирную демонстрацию, проходившую в Тбилиси в апреле 1989 года, морально и политически солидаризировался с агонизирующими авторитарными режимами в Восточной Европе. И вновь ни ЦК КПСС, ни правительство СССР не выразили свою точку зрения относительно обстановки в ГДР.

Важным рубежом в углублении кризисных процессов в ГДР явился визит главы внешнеполитического ведомства ВНР Д.Хорна в ФРГ, состоявшийся 26 августа 1989 года. Главный итог визита -- в принципе было решено открыть венгерско-австрийскую границу, что стало реальностью с 11 сентября 1989 года.

Пока неизвестно, ставил ли предварительно Будапешт в известность Москву о планируемом визите, знал ли Кремль подробности о его результате из первых рук. Ясно одно: советское руководство было к этому готово. Любопытный факт в этой связи приводит немецкий исследователь Фред Ольденбург: "Во второй половине сентября Эдуард Шеварднадзе спросил своего венгерского коллегу: знает ли тот, сколько жителей ГДР хотят перебраться в ФРГ? Хорн ответил, что примерно один-два миллиона человек. Шеварднадзе тогда заметил: каждого, кто пожелает покинуть ГДР, надо выпустить, ибо людей нельзя удерживать силой".^{<11>}

Конечно, реакцию тогдашнего министра иностранных дел СССР нельзя было не оценить как проявление трезвости и реализма. И все же рецидивов старого политического мышления в подходе Кремля было немало.

Последней серьезной ошибкой СССР в германском вопросе явилось участие советской делегации во главе с М.С.Горбачевым в торжествах, посвященных 40-летию образования ГДР. На наш взгляд, идя на этот шаг, М.С.Горбачев сделал очередную уступку консервативному крылу в КПСС. Именно лидер этого крыла Е.К.Лигачев незадолго до анализируемого визита побывал в ГДР и сообщил о нем лидерам СЕПГ.

К чести тогдашнего советского руководства, оно восприняло октябрьскую революцию 1989 года в ГДР как внутренний выбор народа данной страны, который надо уважать. Никто в Кремле не помышлял о

том, чтобы выводить танки на улицы Восточного Берлина.^{<12} Эта революция явилась точкой отсчета решающего этапа в истории германского вопроса

Ю.П. Давыдов справедливо отмечает: "Объединение двух немецких государств произошло столь стремительно прежде всего потому, что никто из членов мирового сообщества, включая руководителей четырех держав, ответственных за послевоенное урегулирование в Европе и решение германского вопроса, не был готов к нему".^{<13}

Говоря о подходе Запада, приведем только один типичный пример. В июне 1989 года бывший министр иностранных дел Испании, депутат Европарламента Ф. Моран прогнозировал возможное развитие событий следующим образом: "Не будет классического объединения в одно государство, а это (объединение -<MI>М.С.<M>) произойдет в других формах. В будущем могут возникнуть межгерманские советы и будет происходить все более тесное сближение двух германских государств. Один немец, занимающий важный пост, сказал мне, что из всей Восточной Европы ГДР станет последней страной, где произойдет либерализация, но как только она начнется, она будет развиваться с головокружительной скоростью. Если принять во внимание то, что происходит в Венгрии и -- в меньшей степени -- в Чехословакии, а также в Польше., то мы имеем дело с совершенно новой ситуацией. И в сферах ЕС необходимо будет обладать большим воображением и не цепляться за старые схемы".^{<14} Это высказывание свидетельствует о том, что один из наиболее опытных испанских дипломатов, хорошо представляя себе сложности возможного в будущем процесса, все же не предполагал, что он может встать в повестку дня уже через 5 месяцев.

Как же повели себя после октябрьской революции 1989 года в ГДР руководители Соединенных Штатов Америки?

Вначале подведем итог политики цитадели свободного мира в германском вопросе до данного события.

Нельзя не согласиться с мнением Ю.П. Давыдова, который пишет: "Вашингтон официально постоянно поддерживал идею объединения двух немецких государств и даже пытался заработать на ней политический капитал. На деле его вполне устраивало их раздельное существование, и не беспокоил он в основном: во-первых, потому, что он, подобно другим, считал восточногерманский социализм наиболее стабильным образованием, достигшим весомых результатов; во-вторых, он был уверен, что если подобная тенденция обозначится, Советский Союз пойдет на все,

чтобы заблокировать ее, поэтому американцам нечего особенно волноваться. Примерно также думали и многие руководители Западной Европы, активно поддерживая идею воссоединения".^{<15}

Еще до октябрьской революции 1989 года в ГДР в Белом Доме по достоинству оценили тот факт, что Кремль не препятствовал созданию первого в истории Восточной Европы некоммунистического правительства в Польше. Администрация Д.Буша позитивно восприняла реакцию Москвы на переломные октябрьские события в Восточной Германии. Американские стратеги поняли, что возник самый благоприятный в истории момент для решения всего комплекса проблем, связанных с германским урегулированием.

Вашингтон весьма интенсивно внушал правительству ФРГ мысль о необходимости активных переговоров с М.С.Горбачевым. При этом США заверяли о своей полной поддержке на всем протяжении переговорного процесса. "Никто не мог знать, - вспоминает крупный германский исследователь К.Кайзер, -- как долго еще в лице Горбачева мы будем иметь дело с руководством, готовым вести переговоры с Западом о ликвидации советской гегемонии в Центральной Европе и объединении Германии. Поэтому администрация Буша предприняла все усилия для того, чтобы ускорить переговоры на всех уровнях и заставить союзников поспешить. Открывшееся окно возможностей следовало незамедлительно использовать, пока оно не захлопнулось".^{<16}

Ряд серьезных неудобств для Белого Дома создавала позиция тогдашнего премьер-министра Великобритании М.Тэтчер. Заметим, что и ныне экс-премьер считает оправданной свою жесткую линию в данном вопросе в 1989--1990 гг.

В сентябре 1989 года, возвращаясь из Токио, Тэтчер решила сделать краткую остановку в Москве, чтобы обсудить с Горбачевым германский вопрос. Она так вспоминает об этой встрече: "Я заявила ему совершенно откровенно, что, хотя мы в НАТО по традиции привержены объединению (Германии -- <MI>М.С.<M>), перспективы его в действительности нас встревожили. Это, добавила я, не только мое мнение. Я обсуждала данный вопрос с другим западным политиком высшего ранга (при этом я имела в виду президента Миттерана, имя которого я, однако, не произнесла).

Горбачев подтвердил, что и Советский Союз не желает объединения Германии.

Это укрепило меня в решимости "притормозить" уже тогда ставшее стремительным развитие событий. Конечно, я не хотела, чтобы восточные немцы и дальше жили бы при коммунистической системе... Но я была

уверена, что в ГДР скоро установится настоящая демократия и что вопрос объединения -- при решении которого следовало бы учесть пожелания и интересы соседей Германии и других государств надлежит рассматривать сепаратно".^{<17>}

Главный редактор журнала "Шпигель" Р.Аугштайн как-то подметил: "...враждебное отношение к какому бы то ни было единству Германии -составная часть... (французской -- <МП>М.С.<М>) истории от Ришелье до де Голля и Миттерана".^{<18>}

Вначале недосказанности и осторожности во французской позиции было немало.

Этим пыталась воспользоваться британский премьер-министр. Тэтчер, по ее словам, стремилась к созданию стабильной политической оси между Великобританией и Францией, которая гарантировала бы такое течение событий, при котором на любой стадии объединения, как и при дальнейшем экономическом и политическом развитии, не все складывалось по воле немцев. Однако Ф.Миттеран не оправдал надежд "железной леди".^{<19>}

Конечно, французский президент, бывший в годы второй мировой войны активным участником движения Сопротивления, испытывал сложные и противоречивые чувства при мысли о единстве Германии.

Нет, конечно, нужды полностью опровергать утверждение главного редактора "Шпигеля". Вместе с тем важно отметить, что острота эмоций никогда не должна затмить учет реалий. У главы французского государства второе как раз взяло верх над первым.

Логическим продолжением трезвого и реалистического подхода Кремля к октябрьской революции 1989 года явилось его отношение к дальнейшей судьбе Берлинской стены.

В ответ на просьбу руководства ГДР проконсультироваться, как лучше модифицировать пограничный режим, из МИД СССР последовало указание послу в Берлине В.И.Кочемасову: "...довести до сведения друзей, что режим на границе с Западным Берлином и ФРГ есть "внутреннее дело ГДР". 9 ноября 1989 года Г.Шабовский заявил: "Границы больше не существует".

После падения Берлинской стены правительство христианско-либеральной коалиции стало переходить от политики "малых шагов" к политике "больших шагов".

28 ноября 1989 года были обнародованы знаменитые 10 пунктов федерального канцлера. Российская исследовательница Е.В.Цедилина

справедливо отмечает:

"...план Коля, поддержанный как правящими партиями, так и оппозицией, был нацелен на формирование как экономического, так и в перспективе и политического союза германских государств, временные рамки которого сознательно не оговаривались".^{<20}

После обнародования плана из десяти пунктов госсекретарь Д.Бейкер разъяснил американскую позицию относительно объединения Германии. Она основывалась на четырех принципах.

Во-первых, поддерживалось продвижение к цели самоопределения немцев. При этом оговаривалось, чтобы последствия данного процесса не принесли никакого ущерба.

Во-вторых, Германия должна не только остаться членом НАТО, но и быть составной частью "все более интегрированного Европейского сообщества".

В-третьих, шаги к достижению единства должны осуществляться мирно и постепенно.

В-четвертых, необходимо неукоснительно соблюдать Заключительный акт СБСЕ, особенно в отношении нерушимости границ.

Эти принципы разделял и Буш. М.Тэтчер выступала против того, чтобы Германия была составной частью "все более интегрированного Европейского сообщества".^{<21}

План Коля был выдвинут в то время, когда ГДР возглавлял трезвый и прагматичный руководитель Х.Модров. Если федеральный канцлер реанимировал идею германской конфедерации, то его восточногерманский коллега сформулировал идею создания договорного сообщества, что свидетельствовало о близости подходов. Бонн был удовлетворен тем, что правительство Х.Модрова решило провести первые свободные выборы в высший орган власти, намеченные на 18 марта 1990 года.

К началу 1990 года активность обоих германских государств в самом главном для них внешнеполитическом вопросе резко возросла, идеи воссоединения доминировали в ГДР на уровне массового общественного сознания. Отсюда вытекала неизбежность серьезных изменений в позиции четырех держав, ответственных за послевоенное урегулирование в Европе.

Революционный прорыв в советской политике по германскому вопросу произошел во время визита федерального канцлера ФРГ Г.Коля в СССР 10 февраля 1990 года. Приведем оценку его итогов, данную Г.Колем: "Генеральный секретарь Горбачев и я единого мнения, что только немецкому народу предоставлено право решать, хочет ли он жить в едином государстве. Генеральный секретарь Горбачев недвусмысленно пообещал

мне, что Советский Союз будет уважать решение немцев жить в одном государстве, самим определить время и путь к единению. Генеральный секретарь и я также согласились, что германский вопрос может быть решен только на основании реалий. Это означает, что он должен быть включен в общеевропейскую архитектуру и общий процесс отношений между Западом и Востоком".^{<22} Анализ этого пресс-заявления позволяет сделать следующие выводы.

Впервые после 25 марта 1960 года советский лидер признал существование германского вопроса. Никогда ранее Советский Союз не проводил четкого различия между внутренними и внешними аспектами строительства немецкого единства. СССР впервые признал право ФРГ и ГДР быть центральными участниками процесса решения германского вопроса.

Именно исходя из итогов данных переговоров, в феврале 1990 года министры иностранных дел ФРГ, ГДР, СССР, США, Франции, Соединенного королевства Великобритании и Северной Ирландии встретились в Оттаве и впервые прочертили внешнеполитический маршрут движения к немецкому единству "Они согласились, что министры иностранных дел Федеративной Республики Германия и Германской Демократической Республики встретятся с министрами иностранных дел Франции, Соединенного Королевства, Советского Союза и Соединенных Штатов для обсуждения внешних аспектов немецкого единства, включая вопросы безопасности соседних государств".^{<23}

Это заявление 6 глав внешнеполитических ведомств -- первое после провалившихся в 1956--1960 годах конференций документированное соглашение, касающееся "Германии как целого". Речь шла о строительстве немецкого "единства", а роль четырех держав ограничивалась, кроме того, "внешними аспектами", то есть, это означало, что оба германских государства самостоятельно могли заниматься внутривнутриполитической организацией своего объединения. Из текста анализируемого документа видно, что был создан переговорный механизм не по формуле "четыре плюс два", а "два плюс четыре". Своеобразие этих переговоров для ГДР состояло в том, что она в первый и последний раз в своей истории участвовала в качестве подлинно суверенного государства в международных переговорах, затрагивающих коренные интересы Восточной Германии, исторические судьбы ее народа.

Заметим, что Г.Коль не информировал в предварительном порядке никого из союзников ни о намеченном на 10 февраля 1990 года визите в Москву, ни о планируемом содержании бесед с М.С.Горбачевым, что

вызвало недовольство М.Тэтчер. После Оттавы британский премьер-министр продолжала делать упор на своей жесткой линии.

24 февраля она позвонила Д.Бушу и попыталась разъяснить президенту, какую позицию следует занять по отношению к западному союзу и Европе, в которых будет существовать объединенная Германия. Премьер-министр указала на то, как важно удостовериться в том, что объединенная Германия останется в НАТО и американские войска и далее будут дислоцироваться на немецкой территории. Она подчеркнула нежелательность той ситуации, при которой территорию ГДР будут вынуждены покинуть все советские войска. Предвидя возникновение проблем у Горбачева, Тэтчер предложила позволить небольшому контингенту войск СССР остаться там на переходный период.

Она выступила за усиление роли СБСЕ для того, чтобы воспрепятствовать угрожающей изоляции Советов и создать противовес германскому превосходству в Европе".^{<24}

Несомненно, военно-политический аспект был ключевым в ходе разработки договорных основ объединения Германии.

К моменту начала переговоров по формуле "два плюс четыре" "ФРГ и ГДР были государствами, на территориях которых размещалось наибольшее количество войск и вооружений, противостоящих друг другу... В обоих германских государствах, интегрированных соответственно в НАТО и Варшавский Договор, стояли под ружьем 173 тысячи военнослужащих в ННА и 495 тысяч в бундесвере. У западных немцев было больше танков, чем у гитлеровского вермахта к началу второй мировой войны... Немецкие армии считались самыми сильными и надежными в своих военно-политических союзах".^{<25}

Известно, что в доперестроечной советской историографии часто фигурировало упоминание о так называемом военно-промышленном комплексе ФРГ.

В жестких рамках партийного государства тенденциозно подавалась роль военных промышленников, генералитета в формировании политики безопасности ФРГ.

На наш взгляд, военно-промышленного комплекса ФРГ в классическом понимании не существовало. Вводя в политический обиход это понятие, Д.Эйзенхауэр имел в виду прежде всего СССР (Россию) и США. Да, здесь существовал и существует поныне мощный ВПК, оказывающий влияние на высшие эшелоны власти. В этом плане данные страны невозможно сравнить с Францией, Великобританией, а тем более

с ФРГ.

Вместе с тем к моменту преодоления германского раскола можно было констатировать наличие отдельных элементов ВПК в ФРГ. Военная промышленность располагала значительным потенциалом. Для нее была характерна высокая степень монополизации. На уровне мировых стандартов осуществлялось производство боевых самолетов, тактических ракет, военной электроники, танков, боеприпасов. Потребность бундесвера в вооружениях более чем на 80 процентов удовлетворялась отечественной промышленностью. Высокое качество западногерманского оружия нашло признание на международном рынке. По объему экспорта вооружений страна уверенно занимала третье место в Западной Европе, пропустив вперед Францию и Великобританию.

Был развернут широкий фронт научно-исследовательских работ в области обороны.

По мере наращивания военно-промышленного потенциала происходила некоторая перегруппировка сил внутри предпринимательского корпуса страны.

Представители военного бизнеса все больше заявляли о своих специфических интересах, связанных с производством и сбытом оружия. Ни социал-либеральная коалиция, ни христианско-либеральная коалиция никогда не давали полную свободу рук военным корпорациям, не допускали их глубокой интеграции в систему государственной власти. И социал-демократы, и демохристиане в период своего правления четко контролировали различные аспекты деятельности данных корпораций. Бундесбюргер, регулярно плативший налоги в государственную казну, был всегда своевременно осведомлен о той доле государственного бюджета, которая предназначалась для выполнения военно-технических программ, и о ее реальном использовании. В этом случае он находился в гораздо более выгодном положении, чем граждане бывшего СССР, которые не могли знать об истинных масштабах милитаризации страны, ведущих их к неуклонному обнищанию. В условиях глубоких демократических устоев западногерманского общества за деятельностью военных корпораций зорко следила четвертая власть -- пресса.

Анализ деятельности Федерального совета безопасности, важнейших министерств, занимавшихся проблемами политики безопасности, показывает, что представители военного бизнеса, генералитет никогда не играли ключевой роли в формировании специфического угла зрения ФРГ в отношении к военной и военно-политической стратегии НАТО.

С легкой руки западногерманских коммунистов, их единомышленников из ГДР создание постоянно действующих

консультативных органов по проблемам оборонного производства при высших эшелонах государственной власти в ФРГ подавалось в литературе бывшего СССР как доказательство "интеграции ВПК ФРГ в структуры федерального правительства". Речь шла по существу о нормальных рабочих консультациях высших чиновников министерств с военными промышленниками. Не стремление производителей вооружений создать систему лоббизма в правительственном аппарате было главной причиной возникновения этих органов, а естественная потребность чиновников в подготовке глубоко продуманных, компетентных решений.

Конечно, в органах военно-технического программирования при министерстве обороны немало ответственных постов занимали лица, связанные с военным бизнесом. Но внутри коридоров власти действовали непростые правила игры, которые позволяли лишь с большой натяжкой квалифицировать их как непосредственных представителей интересов производителей вооружений в федеральном правительстве.

Здесь уместно сделать одно отступление. Военно-техническое программирование в ФРГ оказалось довольно продуктивным, и его опыт может быть учтен в Беларуси в случае перехода государства к нормальному, цивилизованному рынку.

И в период разработки договорных основ объединения Германии, как и во все периоды существования боннского государства, решающую, ключевую роль в формировании военно-политического курса ФРГ играли политики.

Исходная позиция федерального правительства была такова.

1. Объединенная Германия должна быть членом НАТО, причем ее статус в этом союзе не будет ничем отличаться от положения ФРГ в рамках Парижских соглашений.

2. Она отказывается от обладания ядерным и другими видами оружия массового уничтожения, а также от их производства.

3. Советские войска должны через определенный период покинуть территорию Восточной Германии.

4. Бундесвер в проектируемой объединенной Германии может быть сокращен на значительную величину.

5. Должны быть внесены существенные изменения в военную доктрину Организации Североатлантического Договора.

Подход христианско-либеральной коалиции не имел кардинальных расхождений с линией социал-демократической оппозиции.

Заметим, что на выборах в парламент ГДР победили удовлетворявшие Бонн силы.

Итоги голосования показали, что абсолютное большинство восточных

немцев поддерживает как идею воссоединения Германии, так и ее членство в НАТО. 5 мая 1990 года начала работу первая, боннская встреча в рамках переговоров по формуле "два плюс четыре". Э.А.Шеварднадзе вспоминает: "Даже тогда, когда быстрое развитие событий само подвело, подтолкнуло к необходимости решать эту (германскую - <MI>М.С.<M>) проблему, никто из нас не мог, не вправе был проигнорировать врожденную настороженность наших людей в отношении к идее германского единства. В моем портфеле с переговорными документами всегда находился самый весомый, самый серьезный "материал", отложить который в сторону было невозможно. Его подготовили история и народный опыт. память о двух мировых войнах, лишь в одном столетии развязанных Германией, о последней войне..."^{<26}

После старта переговоров по формуле "два плюс четыре" консервативное крыло в КПСС было еще далеко от того, чтобы признать реалии. Сохранялось его влияние на курс Кремля.

21 мая 1990 года в телепрограмме "Время" было передано интервью члена Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Е.К.Лигачева, совершившего поездку по Белгородской области. Он сообщил, что, оказываясь, людей особенно тревожит "демонтаж социализма в некоторых странах Восточной Европы, что некоторые страны Восточной Европы переходят на путь капиталистического развития, буржуазного парламентаризма". Сказал он и о мерах, которые в связи с этим предлагали предпринять его собеседники: "Прямо скажу, коммунисты, беспартийные, жители многих районов и сел, с которыми я встречался, говорили, что эти вопросы надо обсудить, как говорят, всенародно, в обществе, в партии, в Верховном Совете...". Делая акцент на том, что процессы, происходящие в суверенных странах Восточной Европы должны управляться из Москвы, с сессии Верховного Совета, лидер консервативного крыла фактически отстаивал старое политическое мышление.^{<27}

Разумеется, из позиции тогдашних лидеров четырех держав, ответственных за послевоенное урегулирование в Европе, сторонников Е.К.Лигачева больше всего удовлетворял подход британского премьер-министра. Однако мотивы действий М.Тэтчер и консервативного крыла в КПСС имели существенные различия.

Она так объясняла свою позицию: "Главным аргументом в пользу замедления процесса объединения Германии была необходимость передышки для планирования новых политических структур в Европе, внутри которых объединенная Германия не оказывала бы

дестабилизирующего влияния".^{<28}

Лигачевцы не допускали и мысли ни о потенциальных новых политических структурах в Старом Свете, ни о том, что даже в неблизком будущем возможно воссоединение Германии.

Угол зрения М.Тэтчер на переговоры по формуле "два плюс четыре" был таков: "Я связывала надежды (на замедление процесса объединения Германии - <MI>М.С.<M>) с рамочной конструкцией "четырёх держав" - Великобритании, Франции, Соединённых Штатов и Советского Союза. На них лежала ответственность за безопасность Берлина. Однако после того, как США -- а вскоре и Советы стали рассматривать статус Берлина всего лишь в числе прочих деталей объединения, польза от этой рамочной конструкции оказалась ограниченной".^{<29}

Заметим, что еще до начала этих переговоров в четко прослеживалось согласие ЕС на вступление в него ГДР без специальных переговоров.^{<30}

После того, как стало ясно, что политическая карта, которой играла британский премьер-министр, оказалась битой, четко прослеживалось единство подходов Вашингтона, Лондона и Парижа.

Заметим, что и в период, когда М.Тэтчер выдерживала жесткую линию, диапазон согласия между Великобританией, с одной стороны, и США и Францией, с другой стороны, по вопросу о военно-политическом аспекте германского урегулирования был достаточно широк. Общий знаменатель их позиций был таков: объединенная Германия должна быть членом НАТО.

В отличие от своих партнеров по переговорам Москва упорно противилась возможности подобного членства. С точки зрения этого важнейшего вопроса переговоры велись не по формуле "два плюс четыре", а по формуле "один плюс пять". Никак не стыковалось с логикой предложение Кремля о том, чтобы Восточная Германия входила в ОВД, а Западная -- в НАТО.

Москва играла явно не той картой. Для понимания тогдашних реалий есть смысл вкратце остановиться на ситуации в Организации Варшавского Договора в 1990 году. После революций 1989 года в Восточной и Центральной Европе была очевидна агония ОВД. Естественно, что политологи, историки по горячим следам пытались подвести итоги существования данной организации.

Приведем важную выдержку из выступления Г.А.Арбатова на заседании Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики 15 июня 1990 года, то есть за месяц до известных ставропольских

договоренностей: "Наша безопасность не пострадала от того, что мы перестали рассматривать в качестве союзников людей, продававших НАТО советскую секретную военную технику (печать сообщала, что этим систематически занимались Чаушеску и в прошлом ряд польских деятелей). Тем более не могут быть надежными союзниками страны, которые удерживались в составе союза силой. Наоборот, наступивший наконец "момент истины", выяснение истинного положения вещей только укрепили нашу безопасность.

Кроме того, чтобы поддерживать существование этого псевдосоюза, нам не только приходилось дорого платить, но и раз за разом прибегать к вооруженному вмешательству... Каждый раз это вело к обострению напряженности, ухудшению отношений с Западом, подстегивало гонку вооружений. И откуда существовал не подлинно добровольный, а основанный на принуждении союз, существовала и возможность новых интервенций со всеми их возможными последствиями, вплоть до крупного вооруженного конфликта в Европе. Разве это вклад в безопасность?"³¹

К чести тогдашнего советского руководства, следует заметить, что оно постепенно освобождалось от сложившихся стереотипов. Э.А.Шеварднадзе вспоминал: "После совещания Политического Консультативного Комитета Организации Варшавского Договора в Москве, Декларация которого положила начало далеко идущей трансформации деятельности нашего союза во всех сферах, включая военную, появились реальные надежды на то, что и НАТО начнет движение в том же направлении. Вскоре мы получили на сей счет позитивный отклик из Тэрнбери, под Лондоном, где проходила сессия Совета НАТО на уровне министров иностранных дел. Словом, наметились реальные возможности к преодолению военно-политического раскола Старого Света. Мы с нетерпением ждали решений лондонской сессии НАТО, имея все основания надеяться, что они углубят позитивный процесс. В этой ситуации вопрос о членстве объединенной Германии в Североатлантическом союзе приобретал уже совершенно иную окраску. Поэтому в моем берлинском выступлении (берлинский тур переговоров по формуле "два плюс четыре" -- <MI>М.С.<M>) он по существу не затрагивался".³²

Ожидания советского руководства оправдались. На лондонской сессии Совета НАТО, проходившей в начале июля 1990 года, был достигнут концептуальный прорыв. В Кремле окончательно поняли, что Организация Североатлантического Договора становится другой, и весь мир стал свидетелем феномена Архыза.

Именно на встрече М.С.Горбачева и Г.Коля в Архызе в июле 1990 года были заложены основы для успеха переговоров по формуле "два плюс четыре". В Архызе Г.Коль решил трудную задачу по достижению договоренности с Советским Союзом относительно военного и политического статуса объединенной Германии и условий вывода его войск и вооружений с территории ГДР. Согласно СССР с тем, чтобы Германия осталась членом НАТО со специальным статусом тогдашней территории ГДР и обязательством ФРГ возместить расходы на вывод и ресоциализацию советских войск по возвращении на родину, помогло решить успешно спорные вопросы.

Могло ли советское руководство согласиться с настойчивым стремлением секретаря ЦК КПСС В.М.Фалина не допустить членства объединенной Германии в военной организации НАТО, ограничившись согласием на ее членство в политической организации альянса?³³

Разумеется нет, ибо в противном случае в центре Европы возникал бы неконтролируемый центр силы.

Говоря о стремительных изменениях в подходах Москвы, Э.А.Шеварднадзе писал: "На все вопросы о причинах и подоплеке эволюции наших позиций у меня один ответ: загляните в нашу страну, в то состояние, в каком она оказалась в начале 1990 года. Загляните в душу народа и примите во внимание жестокость, с какой дергали натянутую в ней струну противники перестройки. Эта струна могла оборваться...".³⁴

Разумеется, Архыз золотыми буквами вписан в историю внешней политики тогдашней ФРГ. Это — выдающаяся дипломатическая победа христианско-либеральной коалиции.

Показательно заявление, сделанное министром финансов ФРГ Т.Вайгелем спустя три года после объединения Германии. Выступая в бундестаге, он говорил: "Франц Йозеф Штраус в своей книге "Проект для Европы", раздумывая в 1966 году о том, согласился бы тогдашний Советский Союз предоставить советской зоне в Германии хотя бы австрийский статус за цену от 100 до 120 миллиардов марок -- по сегодняшнему исчислению это было бы более 300 миллиардов марок. Безусловно, Конрад Аденауэр, Теодор Хейс или Курт Шумахер также были бы готовы принести такую или еще большую жертву. По договору с Советским Союзом 1990 года мы истратили 15 миллиардов марок и добились того, что через пять десятилетий после того, как первый советский солдат вступил на немецкую землю, последний русский солдат немецкую землю покинет. Всего за 15 миллиардов марок, дамы и господа, мы достигли этого результата. Это, думаю я, является огромным преимуществом и выгодой, которые следует

оценить по достоинству..."^{<35}

Подхватывая высказывание Т.Вайгеля, современный обыватель в странах СНГ, конечно же, скажет, что М.С.Горбачев принес в жертву ГДР, не поторговавшись как следует с немцами.

Заметим, что и Горбачев, и Шеварднадзе считали и считают подобные упреки необоснованными.

Так, Шеварднадзе в интервью журналу "Шпигель" заявил: "Тут не было никаких жертв, но была восстановлена справедливость. Наша совесть чиста".^{<36}

Автор настоящей брошюры полностью присоединяется к данному заявлению.

Кстати, объективности ради надо напомнить проницательному читателю о сталинском лозунге "Пограбим Германию!", о том, что кремлевские лидеры несли не меньшую ответственность, чем руководство США, Великобритании и Франции за то, что несколько десятилетий сохранялся германский раскол.

Как же реагировал Вашингтон на феномен Архыза?

По свидетельству таких авторитетных американских политологов, как М.Р.Бешлюс и С.Телбот, госсекретарь США Дж.Бейкер, которому сообщили эту новость в аэропорту Шеннон, где сделал посадку его самолет на пути в Европу, "был поражен". До того, как не стали известны результаты встречи в Ставрополе, госсекретарь вообще считал, что эта встреча не заслуживает внимания. Сопровождавшие госсекретаря в самолете журналисты подкалывали его тем, что он был застигнут врасплох. Дж.Бейкер же оправдывался, что, если это и сюрприз, то "сюрприз великолепный". Он предположил, пишут авторы, что, позволив Германии принадлежать к НАТО, Горбачев хотел продвигаться вперед как можно быстрее с тем, чтобы завоевать полное доверие немцев, которые отныне будут доминировать в Европе".^{<37}

Известный российский дипломат Ю.В.Дубинин, бывший в то время послом СССР во Франции, вспоминает: "Во Франции новость произвела огромное впечатление. Р.Дюма (министр иностранных дел Франции -- <МП>М.С.<М>) на пресс-конференции заявил, что в Париже с большим удовлетворением восприняли итоги состоявшихся переговоров, поскольку они отвечают тому, к чему Франция стремилась с самого начала. Сделан важный шаг к новой Европе, свободной от конфликтов и антагонизмов прошлого.

Несмотря на такие восторженные публичные высказывания Р.Дюма,

подлинная реакция французов была не столь однозначной. Наряду со всеми положительными элементами французы считали, что в долгосрочном плане им будет все сложнее конкурировать с нарождающимся гигантом не только в сфере экономики, но и в плане политического влияния в Европе в целом. В отдельных высказываниях зазвучали напоминания о Рапалло. —

Один же из французских государственных деятелей в беседе со мною заявил, что результаты недавних переговоров на Кавказе вызвали во Франции состояние, близкое к шоковому. Не то, чтобы французы особенно тревожились по поводу самого факта объединения Германии, утверждал он, но "они пребывают в смятении. Их обуревают противоречивые чувства: будущее Германии еще не просматривается, но зато ее прошлое слишком хорошо известно для того, чтобы безмятежно взирать на происходящие процессы".^{<38}

В это время разрабатывался советско-французский договор, и в Париже настороженно восприняли следующий факт. Ставропольские договоренности предполагали, что сразу после объединения Германии между СССР и ФРГ будет заключен "всеобъемлющий и основополагающий двусторонний договор, который на долгий срок и на основе добрососедства будет регулировать отношения" между двумя странами. Цель договора состояла в том, чтобы поставить советско-германские отношения на основу стабильности, предсказуемости и доверия, а также взаимодействия в будущем.^{<39}

После Архыза начался новый, решающий этап в истории переговоров по формуле "два плюс четыре". Заметим, что на этих переговорах позиция США была более жесткой, чем подход ФРГ. "В ходе переговоров с СССР правительство Г.Коля готово было вообще не размещать в восточных землях подразделения бундесвера и НАТО. Но под влиянием США оно согласилось (и это согласие вошло в заключительный документ), с тем, что после 1994 года восточные земли в части, касающейся размещения немецких вооруженных сил, не будут отличаться от других земель ФРГ".^{<40}

Ныне в исторической литературе нередко можно встретить утверждение о том, что Москва постоянно поступалась своими национальными интересами. Однако факты, которыми располагает автор настоящей брошюры, свидетельствуют о том, что часть его коллег явно передергивает. Так, помощник бывшего министра иностранных дел СССР Э.А.Шеварднадзе С.Тарасенко вспоминает: "Дело было поздним вечером накануне подписания договора о германском урегулировании... весь мир

застыл в ожидании этого события. И вот мы узнаем, что наши западные партнеры по переговорам выдвинули новое неожиданное условие: они потребовали оговорить возможность проводить на территории бывшей ГДР маневры войск НАТО. Мы ответили отказом. На той стороне продолжали настаивать, рассчитывая, очевидно, что за несколько часов до объявленного на весь мир подписания (договора -- <МІ>М.С.<М>) мы не решим обострять ситуацию. В этих условиях министр (Шеварднадзе - <МІ>М.С.<М>) проявил железную волю. Послу Квицинскому было предложено сообщить, что в таком случае договор не состоится... В результате интенсивнейших консультаций, продолжавшихся всю ночь, оппоненты наши сняли свое условие, и договор был подписан в срок".⁴¹

Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии от 12 сентября 1990 года по существу выполнял функцию мирного договора. Германия вместе с Западным Берлином, где были отменены компетенции великих держав-победительниц, стала полностью суверенным государством.

Москва могла быть удовлетворена тем, что согласно данному документу, объединенная Германия отказывалась от обладания ядерным и другими видами оружия массового уничтожения. Исключалось их производство на германской территории. Кремль считал приемлемыми для себя и согласованные пределы численности бундесвера. → ٢٠٢٠/١٠/٢٠

31 декабря 1994 года последний советский солдат должен был покинуть Германию. Забегая вперед скажем, что это произошло 31 августа 1994 года.

Россия как правопреемник бывшего СССР в декабре 1992 года нашла разумный компромисс с немецкой стороной, что и обусловило сокращение сроков временного пребывания российских войск на германской территории.

Заметим, что первым государством, с которым объединенная Германия подписала Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве, явился Советский Союз. Это произошло 9 ноября 1990 года в ходе визита М.С.Горбачева в ФРГ.

Подводя черту под прошлым, этот договор пронизан взаимным обязательством не допустить новых военных столкновений ни между СССР и ФРГ, ни вообще в Европе.

Для того, чтобы дать взвешенную оценку данному договору, целесообразно сравнить его с Московским договором от 1970 года и Совместным Заявлением, которое Горбачев и Коль сделали 13 июня 1989 года в Бонне. В Московском договоре не упоминалось ни о партнерстве,

ни о партнерском сотрудничестве. Разумеется, этот договор свидетельствовал о том, что Германия повернулась лицом к Востоку: признала существующие границы и выразила готовность признать законной потребность восточных соседей в надежной безопасности. В Совместном Заявлении от 13 июня 1989 года впервые в истории отношений между ФРГ и СССР было включено понятие партнерское сотрудничество.

Полнокровные структуры доверия создаются в условиях подлинного партнерства, в чем как раз и состоит качественная новизна договора от ноября 1990 года.

Это был первый в истории отношений между СССР и ФРГ договор, обладавший функцией договора о ненападении.⁴² В этой связи обращает на себя внимание следующая цитата из текста договора: "В случае, если одна из сторон станет объектом нападения, другая сторона не будет оказывать нападающему какой-либо военной помощи и иного содействия".

Политики, которые скрепили своими подписями анализируемый документ, проявили тогда и смелость, и дальновидность. Дело в том, что приведенная формулировка не слишком соответствовала договорным обязательствам ФРГ в отношении НАТО. Было, разумеется, расхождение между этим шагом Бонна и проектируемой будущей европейской обороной в рамках ЕС. Продолжала существовать, хотя и в агонизирующей стадии, Организация Варшавского Договора.

Заметим, что за несколько дней до подписания советско-германского договора был подписан договор между СССР и Францией. Но в данном случае стороны так далеко не пошли. Более того, ФРГ стала первой страной НАТО, с которой СССР подписал документ, обладавший функцией договора о ненападении.

На ноябрьской (1990 г.) встрече глав государств и правительств государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе были согласованы и введены в систему СБСЕ оставшиеся вопросы, связанные с объединением Германии.

Процесс ратификации советской стороной Договора об окончательном урегулировании в отношении Германии совпал с нарастанием консервативной волны в бывшем СССР. Потерпев поражение в борьбе со сторонниками внутренних реформ и нового политического мышления, консервативные силы развернули активное контрнаступление с четко очерченной целью: взять реванш. Многие политики открыто указывали на реальную угрозу установления диктатуры. С этой надвигавшейся угрозой была тесно связана отставка министров иностранных

дел СССР Э.А.Шеварднадзе. Это произошло на декабрьской (1990 г.) сессии Верховного Совета СССР. Супруга Э.А.Шеварднадзе вспоминает: "Накануне той сессии ему (Э.Шеварднадзе -- <МІ>М.С.<М>) сказали, что против него зреет заговор, что солидные чины из консерваторов собираются против него выступить: обвинить в объединении Германии. Эти люди и известность приобрели только потому, что стали бороться против Шеварднадзе, который за эти пять лет и спал-то по три часа в сутки."⁴³

Закономерно возникал вопрос: "Какую альтернативу германской политике Горбачева--Шеварднадзе могли предложить Алкснис, Петрушенко и К<198>?"

Обвиняя архитектора и конструктора нового политического мышления в предательстве и капитуляции, они, типичные представители военно-промышленного комплекса, испытывали явную ностальгию по подходу к германскому вопросу с позиции силы. Советский ВПК явно забыл уроки истории. Достаточно было хотя бы вспомнить о двух берлинских кризисах, поставивших мир на грань войны.

Анализируемый договор был ратифицирован без сложностей и трудностей. Но это отнюдь не отражало реальную силу советского ВПК.

Именно военно-промышленный комплекс сыграл главную роль в подготовке и проведении августовского путча 1991 года. Путчисты объявили об отказе от нового политического мышления. Было поставлено под угрозу выполнение обязательств СССР по Договору об окончательном урегулировании в отношении Германии.

После провала путча стремительную быстроту приобрел процесс распада СССР, завершившийся в декабре 1991 года.

Бывшие советские республики вступили в 1992 год в новом качестве, обретя статус независимых государств. 11 из них образовали Содружество Независимых Государств (СНГ).

Самое непосредственное отношение к судьбе советско-германских договоренностей имели Россия, Беларусь, Украина. Эти славянские государства заявили о своем намерении твердо и неукоснительно соблюдать Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии.

Данные страны вместе с государствами Балтии занимают значительное место во внешнеполитической ориентации объединенной Германии. Этот момент следует рассматривать сквозь призму архитектуры будущего общеевропейского дома.

Еще в период подготовки к объединению Германии вице-канцлер, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д.Геншер заявлял: "Западноевропейское и общеевропейское единение нельзя "отцеплять" друг от друга. Германское

объединение играет при этом процессе историческую ключевую роль "сцепления": оно должно быть ферментом смены старых структур власти и мышления в... Европе, ферментом сведения воедино Западной, Центральной и Восточной Европы во все теснее становящуюся сеть разносторонних форм интеграции и сотрудничества для всей Европы".⁴⁴ Учитывая, что в названных шести странах набирают силу демократические преобразования, начат переход к рынку, почва для материализации мысли Г.-Д.Геншера есть.

Воссоединение Германии поставило ряд непростых вопросов перед специалистами. Главный среди них таков: "Будет ли она угрожать Европе и миру в целом?" Для ответа на данный вопрос обратимся к взглядам официального Бонна на предмет обеспечения безопасности страны. Суммируя правительственные публикации, высказывания лидеров ФРГ, можно выделить следующие ключевые моменты.

Во-первых, в отличие от ФРГ периода раздельного существования обеих Германий в объединенной Германии стали употреблять понятие "национальная безопасность".

Во-вторых, в шкале приоритетов федерального правительства на первом месте стоит обеспечение безопасности личности, на втором -- общества и только на третьем -- государства. Человеческое измерение национальной безопасности прослеживается, прежде всего, в стремлении властей гарантировать каждому бундесбюргеру достойный жизненный стандарт, твердую уверенность в завтрашнем дне.

В-третьих, полностью исключена возможность существования германского генерального штаба. В долгосрочной перспективе воссоединенная Германия не будет неконтролируемым центром силы. Считая сердцевиной своей политики национальной безопасности членство страны в НАТО, правящая коалиция намечает дальнейшую интеграцию бундесвера в вооруженные силы этого военно-политического союза демократических государств.

В-четвертых, произошел концептуальный прорыв в военной доктрине. Никто не упоминает сейчас об "обороне на передовых рубежах". В официальных документах фигурирует принцип обороны на границах. Этот принцип означает значительное уменьшение количества сценариев военных действий с применением ядерного оружия.

В-пятых, в основу военного строительства положен принцип разумной достаточности обороны. В долгосрочной перспективе численность бундесвера не будет превышать 370 тысяч человек. Для сравнения напомним, что Парижскими соглашениями для армии ФРГ был

установлен потолок 495 тысяч солдат и офицеров. Вместе с тем по-прежнему высокими остаются требования к качеству подготовки вооруженных сил.

В-шестых, в соответствии с новыми реалиями политики не видят смысла в употреблении термина "угроза". Постепенно входит в обиход понятие "риск для национальной безопасности".

В последнее время заметно вырос интерес к "внутриевропейским факторам риска". Особую тревогу у немцев вызывают сильные позиции красно-коричневых в некоторых посттоталитарных государствах.

Не уходят из поля зрения политиков и "внеевропейские факторы риска". Они учитывают и сильную зависимость ФРГ от сырьевых и энергетических источников, и наличие вне Старого Света ряда стран, могущих в ближайшее время создать ядерное оружие. Своевременными представляются предложения о создании высококомобильных "европейских сил быстрого реагирования", которые будут тушить очаги военных конфликтов в этой части мира.^{<45}

В-седьмых, в правительственных публикациях ставится вопрос о повышении эффективности использования ООН, институтов СБСЕ для формирования структуры международной безопасности. Г.Коль заявил на общеевропейской встрече в верхах, проходившей в Париже с 19 по 21 ноября 1990 года: "Объединенная Германия будет и впредь рассматривать СБСЕ как двигатель общеевропейской политики мира".^{<46}

В-восьмых, значительное внимание уделяется активизации Западноевропейского Союза, военному сближению с Францией.

В-девятых, в июле 1994 года Конституционным Судом ФРГ в Карлсруэ было принято решение о том, что Германия может предоставить свой вооруженный контингент в распоряжение миротворческих сил ООН. Это решение положило конец длинному спору о том, должен ли Бонн заявить о своем военном присутствии вне сфер НАТО. Канцлер ФРГ Г.Коль подтвердил, что взаимодействие бундесвера (немецких вооруженных сил) с миссиями ООН, в том числе ведение немецкими частями военных действий, не противоречит конституции Германии.^{<47}

Такой подход правительства ХДС/ХСС/СвДП нашел широкую поддержку в стране.

На ноябрьском (1993 г.) съезде СДПГ в Висбадене партия отказалась от своего категорического постулата: она уже не возражала против участия бундесвера в операциях за пределами зоны ответственности НАТО.^{<48}

Какой же общий итог перечисленных нами девяти ключевых

моментов?

Г.Коль заявил на общеевропейской встрече в верхах, проходившей в Париже с 19 по 21 ноября 1990 года: "Объединенная Германия войдет в память немецкой истории с вытекающей из этого моральной и политической ответственностью как краеугольный камень европейского мирного устройства".^{<49}

Таким образом, современная концепция безопасности ФРГ свидетельствует о ее миролюбивых намерениях. 45 лет существовал германский вопрос. Без малого полвека была реальностью военно-политическая напряженность в Центральной Европе.

В силу исторических причин, особенностей геостратегического положения своего государства народ Беларуси был весьма чувствителен к данному кругу проблем. Однако он не имел в то время своей государственности. БССР являлась колонией. Ее международно-правовая субъектность была чисто формальной. Тем самым Беларусь не имела реальных возможностей для отстаивания своих специфических интересов. А таковые были.

За спиной белорусского народа Кремль втянул территорию БССР в орбиту опасного военного противостояния. Из всех бывших союзных республик она уверенно занимала первое место по концентрации войск и вооружений. Более того, БССР оказалась самой милитаризованной республикой в мире. В 1991 году на 1000 человек населения Беларуси приходилось 43 военнослужащих.^{<50} На территории с населением, численность которого более чем в пять раз уступала аналогичному показателю в ФРГ периода раздельного существования двух германских государств, вооруженные силы в количественном отношении неадекватно отставали от бундесвера в момент исчезновения ФРГ. Причем качественные характеристики определенных классов вооружений, размещенных на белорусской территории, вызывали законную тревогу Бонна, усматривавшего в них серьезную угрозу для своей безопасности. Во всех подразделениях БВО бундесвер рассматривался как один из потенциальных противников.

С 1976 года на территории Беларуси стало размещаться оружие первого удара -- ядерные ракеты СС-20, что резко противоречило интересам безопасности и населения БССР. Вплоть до подписания исторического Договора между СССР и США по ракетам меньшей и средней дальности белорусы не знали о наличии данного класса вооружений на их земле. До 90-х годов общественность не ставили в известность об общей картине вооруженных сил и вооружений в Беларуси,

Потеряв в минувшей войне каждого третьего, республика имела моральное право участвовать в обсуждении внешних аспектов строительства немецкого единства.

Но Москва даже не ставила этот вопрос. Не консультировалась она с республикой на предмет переговоров о взаимном сокращении вооруженных сил и вооружений в Европе от Атлантики до Урала на их первом этапе. Не было никакого согласования между Кремлем и Минском при разработке советско-германского соглашения о выводе войск СССР из Восточной Германии, часть из которых должна была иметь местом своего будущего базирования БССР.

Приблизительно год отделял по времени акт объединения Германии от обретения Беларусью своей государственности.

Разумеется, нынешнее руководство Беларуси не несет ответственность за политику бывшего СССР. Представления о путях обеспечения безопасности государства, разделяемые ее руководством, имеют немало общего с подходом правительства объединенной Германии.

Во-первых, и Республика Беларусь, и ФРГ одинаково уязвимы в случае возможной войны в Европе и, естественно, не заинтересованы в ней.

Во-вторых, и Республика Беларусь, и ФРГ отдают приоритет обеспечению внутренней стабильности.

В-третьих, и Республика Беларусь, и ФРГ строго придерживаются безъядерного статуса своих стран.

Закономерно возникает вопрос: "Как будет влиять нейтральный статус Беларуси на отношения Беларуси с Германией в обозримом будущем?" Минск объективно нуждается в стратегическом союзе с Бонном, в членстве в НАТО. С учетом реалий настоящего времени нельзя прогнозировать постоянную стабильность международного положения Беларуси. В России есть влиятельные силы, которые хотят видеть Беларусь только Северо-Западным краем. По ту сторону от Буга также есть сторонники возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. И в других соседних странах есть партии и движения, выступающие с территориальными претензиями к Беларуси. Где гарантия, что приверженцы данного подхода не придут к власти? В этом наихудшем сценарии, к которому надо быть готовыми, есть только один противовес амбициям недругов Беларуси -- стратегический щит НАТО. Вступив в стратегический союз с ФРГ, Минск будет иметь значительные шансы для вступления в Организацию Северо-Атлантического Договора, во влиятельные европейские организации, имеющие непосредственное отношение к проблемам безопасности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Unser Gewissen ist rein. Der Georgier Eduard Schewardnadse über sein Land, die Zukunft der GUS und die Deutschen. //Der Spiegel, 1992, #16. Jg.46. 13.April, S.195,198.

² Фалин В.М. Есть стены покрепче Берлинской... //Комсомольская правда, 1994, 26 января.

³ См. подробно: Погоржельский Д. Правда о группе "Луч". //Новое время, 1994, №18-19. С.36-37.

⁴ Цит. по: Погоржельский Д. Правда о группе "Луч". С.36.

⁵ Цедилина Е.В. Объединение Германии: история и итоги одной революции. //Перемены в Восточной Европе: международно-политические аспекты: Сборник статей. М., 1991. С.235.

⁶ "Круглый стол". Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (середина 40-х -- конец 80-х годов XX в.). //История СССР, 1991, №1. С.56.

⁷ "Круглый стол". Советский Союз и страны Восточной Европы: эволюция и крушение политических режимов (середина 40-х -- конец 80-х годов XX в.). //История СССР, 1991, №1. С.55.

⁸ //Советское славяноведение, 1990, №3. С.38.

⁹ //Советское славяноведение, 1990, №3. С.38.

¹⁰ Болотин А. Прогулки по ночному аду. //Огонек, 1990, №33. С.11.

¹¹ //Новое время, 1994, №18-19. С.36.

¹² Фалин В.М. Есть стены покрепче Берлинской ... //Комсомольская правда, 1994, 26 января.

¹³ Давыдов Ю.П. США--Западная Европа в меняющемся мире. М., 1991. С.159.

¹⁴ Цит. по: Черкасова Е.Г. Испания и перемены в СССР и Восточной Европе: формирование нового уровня взаимоотношений на рубеже 90-х годов. //Новое в "восточной" политике стран Западной Европы: Сборник статей. М., 1991. С.195.

¹⁵ Давыдов Ю.П. США--Западная Европа в меняющемся мире. М., 1991. С.160.

¹⁶ Kaiser Karl. Deutschlands Vereinigung. Die internationalen Aspekte. Mit den wichtigen Dokumenten. Bearbeitet von Klaus Becher. Gustav Lubbe Verlag, Bergisch Gladbach 1991. S.57.

¹⁷ У "железной леди" тяжелая тень. Как и почему Маргарет Тэтчер боролась против объединения Германии. //Комсомольская правда, 1993, 9 ноября.

¹⁸ //За рубежом, 1993, №38. С.6.

¹⁹ Фалин В.М. Есть стены покрепче Берлинской... //Комсомольская правда, 1994, 27 января.

²⁰ Цедилина Е.В. Объединение Германии: история и итоги одной революции. С.243.

²¹ У "железной леди" тяжелая тень. //Комсомольская правда, 1993, 9 ноября.

²² //Süddeutsche Zeitung, 1990, 19.Februar.

²³ //Frankfurter Rundschau, 1990, 20.Februar.

²⁴ У "железной леди" тяжелая тень. //Комсомольская правда, 1993, 9 ноября.

²⁵ //За рубежом, 1990, №44. С.9.

²⁶ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С.224.

²⁷ //Известия, 1990, 24 мая.

²⁸ У "железной леди" тяжелая тень. //Комсомольская правда, 1993, 10 ноября.

²⁹ У "железной леди" тяжелая тень. //Комсомольская правда, 1993, 10 ноября.

³⁰ У "железной леди" тяжелая тень. //Комсомольская правда, 1993, 10 ноября.

³¹ Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1953--1985 годы). Свидетельство современника. М., 1991. С.42.

³² Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С.236.

³³ Фалин В.М. Есть стены покрепче Берлинской ... //Комсомольская правда, 1994, 26 января.

³⁴ Шеварднадзе Э.А. Мой выбор. В защиту демократии и свободы. М., 1991. С.225.

³⁵ //Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung, 1993, #72. S.755.

³⁶ Unser Gewissen ist rein. S.198.

³⁷ M.R.Beschloss and S.Talbott. "All the Highest Level". Boston, Toronto, London. p.239.

³⁸ Дубинин Ю.В. Договор. //Международная жизнь, 1993, №9. С.27-28.

³⁹ //Правда, 1990, 18 июля.

⁴⁰ Kaiser K. Op. cit., S.75.

⁴¹ "Господин "Да". Интервью Т.Г.Степанова и С.П.Тарасенко журналу "Огонек". //Огонек, 1991, №10. С.25.

⁴² Текст договора см.: //Правда, 1990, 11 ноября.

⁴³ "Я никогда не пыталась делить славу с мужем". Интервью Н.Шеварднадзе-Цагарейшвили журналу "Огонек" //Огонек, 1991, №15. С.8.

⁴⁴ Речь федерального министра иностранных дел Ганса Дитриха Геншера на заседании германского бундестага от 21 июня 1990 года. // Гутен Таг, 1990, №8. С.V.

⁴⁵ Чистяков В., Лунев С., Симоненко С. Крупным планом. Что происходит в вооруженных силах стран Запада? //Эхо планеты, 1990, №44-45. С.5-6.

⁴⁶ Выступление федерального канцлера ФРГ Г.Коля на встрече глав государств и правительств 34 стран в Париже 19-21 ноября 1990 года. // Общеввропейская встреча в верхах. Париж, 19-21 ноября 1990 г. М., 1991. С.155.

⁴⁷ //Советская Белоруссия, 1994, 14 июля.

⁴⁸ Темненков Г. Рудольф Шарпинг. //Эхо планеты, 1994, №11. С.11.

⁴⁹ Выступление федерального канцлера ФРГ Г.Коля на встрече глав государств и правительств 34 стран в Париже 19-21 ноября 1990 года. // Общеввропейская встреча в верхах. Париж, 19-21 ноября 1990 г. М., 1991. С.154.

⁵⁰ //Народная газета, 1994, 28-30 мая, № 95-96, С.4.

Научное издание

Стрелец Михаил Васильевич

ОБЪЕДИНЕНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

*Утверждено к печати Ученым Советом Брестского
политехнического института*

*Издатель Лавров С.Б.
Компьютерный набор Шелестович З.М.
Корректор Орлов И.И.*

Подписано к печати 11.06.97.
Формат 60x84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Отпечатано на копировально-множительном оборудовании издательства
Усл.-печ.л. 2,09. Тираж 100 экземпляров.

**Издательство С.Лаврова. Изд. лиц. ЛВ №845
224023 г.Брест, ул. Московская, 275, к. 20.**